

**Русский язык:
исторические судьбы
и современность**

**Международный
конгресс**

Москва, МГУ, 2001 г.

Русский язык: исторические судьбы и современность

**Международный конгресс
русистов-исследователей**

*Москва, филологический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова
13–16 марта 2001 года*

Труды и материалы

Глагол — прилагательное — адъектоверб

Бранко Тошович / Branko Tošović
Institut für Slawistik der Universität Graz, Австрия

кие общие знания в современной прагматике называют пресуппозицией. Мы полагаем, что все единицы мотивационного уровня языковой личности так или иначе связаны с пресуппозицией и рефлексией. Одним из способов языкового выражения мотивационного уровня являются модальные частицы, значение которых мы и предлагаем описывать через рефлексию и пресуппозицию. (Отметим, что схожим способом значения модальных частиц описывает Г. И. Володина, говоря о том, что для их описания необходимо знание широкого контекста, а также, что в художественном тексте функцию модальных частиц очень часто выполняют другие лексические единицы.) В результате описание модальной частицы *же* в нижеприведенном предложении может выглядеть примерно следующим образом: *Ты же знаешь об этом!* = Я знаю, что ты об этом знаешь (рефлексия) + напоминание об общности этого знания (пресуппозиция).

3. Анализ текста повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» подтвердил изначальное предположение о том, что модальные частицы используются в основном в речи носителей русского языка, причем не аристократов, которые часто в ходе диалога переключаются с русского языка на французский. Среди персонажей чеченцев — единичные случаи употребления модальных частиц в речи. Мы исходим из того, что автор повести постоянно бессознательно «перенастраивался» на языковую личность того или иного персонажа. Точно так же актер, получивший роль иностранца, первоначально чувствует себя на сцене очень скованно, иногда начинает говорить с акцентом (он тоже, как и автор художественного текста, вживается в образ). Что касается модальных частиц, то их отнесение к специфически русским явлениям отчасти подтверждается тем, что они представляют большие сложности для изучающих русский язык, а перевод модальных частиц на другие языки

чрезвычайно затруднен. Проведенное нами анкетирование, целью которого было выявление значения той или иной модальной частицы, используемой в контексте, взятом из повести «Хаджи-Мурат», также ничего, кроме очередного доказательства размытости значения данных языковых единиц, не дало. Поэтому методами анализа в данном случае может послужить интраспекция, филологическая рефлексия над мотивами персонажей, а также анализ широкого контекста.

Приведем некоторые примеры нашего подхода к описанию значений модальных частиц:

— *А что, Антоныч, бывает тебе скучно?*

— *Какая же скука? — неохотно отвечал Панов.*

(отрицательный ответ + обращение не только к собеседнику, но и к самому себе, рефлексия, воспоминание о том, почему не бывает скучно);

— *Что ж, сдали?* (пленных чеченцев)

(пресуппозиция, общее знание ситуации + «смягчение» вопроса, на который в данной ситуации ответа не требуется, однако сама ситуация требует того, чтобы вопрос был задан). Именно частица *же* вносит данный оттенок значения (ср. с вопросом без *же* — *Что, сдали?*).

4. В заключение отметим, что мы далеки от того, чтобы предложить единую классификацию значений модальных частиц, даже если она теоретически и представляется возможной. В данном случае модальные частицы нас интересуют как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности, единицы которого связаны с рефлексией и пресуппозицией, а соответственно, и их описание возможно через рефлексию и пресуппозицию.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
2. Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. № 6. 1926. С. 249–280.

Глагол — прилагательное — адъектоверб

Бранко Тошович / Branko Tošović

Institut für Slavistik der Universität Graz, Австрия

глагол, прилагательное, адъектоверб, экстраверб, интраверб, семантика, корреляция

Summary. The correlation of a verb, an adjective and an adjectiveverb is considered in this report.

Глагол и прилагательное являются частями речи, близкими по значению (обозначают признак предметов). Семантически они отличаются тем, что глагол выражает преимущественно динамический, а прилагательное статический признак (ср.: *зеленый* ↔ *зеленеть*). У глагола денотат является, как правило, процессуальным, а у имени прилагательного непроцессуальным (ср.: *листья желтеют* ↔ *желтые листья*), хотя бывает и противоположная ситуация, когда глагол не передает активное действие (квартира *пустует*), а прилагательное выражает процесс (*дождливый* день). На синтагматическом уровне наблюдается, с одной стороны, несамостоятельность прилагательных и их зависимость от существительных и, с другой, грамматическая автономность глаголов. Ч. Филмор считал очень убедительной доктрину Постала-Лакоффа о том, что прилагательные образуют подмножество глаголов [Филмор, 409]. Обращает на себя внимание и то, что в категорию глагола С. К. Шаумян и П. А. Соболева включают прилагательные [Шаумян, Соболева, 106].

Помимо глаголов и прилагательных в языке существуют слова, которые обладают свойствами обеих час-

тей речи и которые из-за этого мы называем адъектовербами. К данной категории относятся определенные разряды прилагательных, имеющих глагольный характер (интравербы), и определенные разряды глаголов, имеющих адъективный характер (экстравербы). Группы адъективных интравербов составляют, в частности, вербоатрибуты, т. е. атрибутивные и квалификативные причастия. Адъективные экстравербы охватывают в первую очередь качественные прилагательные, у которых наблюдается соотносительность с категорией времени (они в известной мере выражают процессуальность, свойственную глаголам, а именно неустойчивость, динамичность, изменение признака). Особой формой экстравербов является краткая форма прилагательных. К этой категории также относятся однокорневые причастия (ср.: *бродящий* ↔ *бродячий* ↔ *бродяжис*).

Литература

- Шаумян С. К., Соболева П. А. Основания порождающей грамматики русского языка. Введение в генотипические структуры. М.: Наука, 1968. 373 с.